

Трибуна молодого автора

УДК 94(47+57)''15''(045)

Д.Л. Выслоужилова

«УЖЕ БУДУЧИ СЕДЫМ, НЕМАЛО ЛЕТ ИСТРАТИЛ В ТРУДАХ»: КАК АНДРЕЙ КУРБСКИЙ ОБУЧАЛСЯ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

В рамках данной статьи автор рассматривает вопрос изучения латинского языка князем Андреем Курбским по его собственным замечаниям и воспоминаниям. Тема переводческой деятельности князя Курбского является часто обсуждаемым вопросом не только среди русских историков, но и среди их зарубежных коллег. Прежде чем Андрей Курбский смог начать заниматься переводами, ему надо было усвоить латинский язык. Этот процесс, по нашему мнению, достоин самостоятельного исследования, т. к. до этого историки и транслатологи больше обращали внимание на результат этой деятельности, т. е. на сами переводы, чем на моменты обучения языку. В основе исследования лежат замечания Курбского, оставленные им в предисловиях и личной переписке, которые позволяют взглянуть на ситуацию глазами князя. Автор ставит перед собой цель изучить период, связанный с обучением Курбского, а также выяснить, имели ли место определённые тенденции в рамках данного процесса.

Ключевые слова: Андрей Курбский, сочинения Андрея Курбского, переводчики XVI в., Великое княжество Литовское, Речь Посполитая.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-842-851

Несмотря на то что Андрей Курбский является очень важной фигурой в русской истории и с его именем «связано становление нового этапа в истории Русского государства» [15, с. 7], по мнению А. А. Зимина, объективному восприятию князя Курбского историками в течение продолжительного времени препятствовало два факта. Первый из них имел чисто «технические» черты. И Курбский, и Иван Грозный умерли в конце XVI в., но в негласной опале Курбский находился ещё 200 лет после своей смерти. Царские архивы, содержавшие материалы и источники о жизни Курбского, оставались недоступными для исследователей до времён Екатерины II, «личное распоряжение» [12, с. 6] которой привело к открытию части архивных документов. Второй факт чётко формулируют современные исследователи К. Ю. Ерусалимский и А. И. Филюшкин. Первый подчёркивает, что «фамилия Курбского стала нарицательным обозначением измены» [8, с. 234], что негативно сказывалось на нейтральности исследований. А. И. Филюшкин добавляет, что искусственно созданный «Курбский-символ замещал в историческом и литературном нарративе реального боярина и воеводу» [44, с. 9]. Истинную информацию о личности князя веками искажали, скрывая под зловещей личиной образа Курбского-предателя.

Если не считать несохранившуюся полностью монографию В. Ф. Тимковского начала XIX в., Курбский долго оставался лишь второстепенным персонажем в трудах по русской истории [15; 39–41; 47; 48]. Большой вклад в исследование темы внёс в XIX в. Н. М. Карамзин, который в своих трудах объясняет, что хоть Курбский и был изменником, совсем негативным персонажем его считать нельзя. Карамзин также использовал произведения Курбского в качестве источника, чем и привлёк внимание к личности князя [20; 21].

Следующим важным шагом в исследовании Андрея Курбского стала диссертационная работа Ю. Д. Рыкова (1972), в которой автор напомнил о необходимости изучения темы Курбского для русской истории [36]. С позитивного резонанса работы Рыкова среди русских историков началась новая волна исследований, результаты которой воплотились в переиздании основных источников с критическими комментариями Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова [26].

Третий и заключительный шаг «демифологизации» жизни подлинного Андрея Курбского отразился в произведениях современных историков А. И. Филюшкина [44–46], К. Ю. Ерусалимского [8–13] и В. В. Калугина [17–19]. Отдельное место занимают исследования зарубежных историков: немецкую историографию представляет труд И. Ауэрбах [49] и лингвистическо-транслатологический

анализ Ю. Бестерс-Дильгер [50]; из англоговорящих историков следует отметить общий комментарий переписки Курбского с Иваном Грозным Й. Л. И. Феннелла [51].

Историографическая база, описывающая личность Курбского, очень широка. Была рассмотрена аккуратность переводов Курбского, его роль при основании переводческих кружков, но вопреки интересу к переводам Курбского тема обучения латинскому языку не затрагивается. В виду вышеизложенных обстоятельств желаем обратить внимание на процесс становления Курбского как переводчика. «Автобиографический характер» посланий Курбского, который является предметом исследований А. Н. Волги [1; 3–5] и О. С. Аракчеевой [2], позволяет реконструировать период обучения посредством воспоминаний самого Андрея Курбского. Послания Курбского содержат «небольшие объёмом отрывки, представляющие собой краткую информацию, имеющую непосредственное отношение к биографии автора» [5, с. 233], которые представляют собой «факты конкретной биографии эпистолографа — Андрея Курбского» [3, с. 89]. В рамках данной темы мы задаёмся следующими вопросами: насколько важным было для царского беглеца изучение латыни? Можно ли на основе источников понять причины, заставившие Курбского изучать иностранный язык? Было ли для Курбского сложным выучить латынь, учитывая тот факт, что приступил он к этому занятию «уже в седилах?» [31, с. 520]. Какие цели преследовало изучение латинского языка и удалось ли их Курбскому достичь? Позволяет ли исследование источников выявить подход Курбского к оценке собственных переводов? Менялось ли мнение Курбского о своих переводах с течением времени?

В 1564 г. князь Андрей Михайлович Курбский сбежал от Ивана Грозного в Литву, откуда «во странстве пребывающе и во убожествѣ от гонения» [43, с. 168] три раза обращался к русскому царю. Какими бы ни были настоящие причины бегства, Курбский начал жить в стране, отличающейся от его родины. Покинув Московию, Курбский лишился надёжно выделенного места в её социальной структуре, которое было добыто достижениями предков и его собственными подвигами. Прибыл на литовскую землю «без каких-либо средств к существованию, надеясь лишь на милость короля Сигизмунда Августа» [46, с. 23]. Жизнь в Великом княжестве Литовском обозначала принятие местных традиций, законов, культурных и социальных норм. После побега перед Андреем Курбским вырос лингвистический барьер, т. к. в Литве использовался латинский язык. Как Андрей Курбский изначально относился к книжной культуре? Был ли для него интерес к книгам чем-то новым? Возможно ли найти элементы библиофильства в биографии Курбского в московский период его жизни? Ответы можно найти в источниках и литературе, оценивающей бегство Курбского.

В связи с темой Курбского-книголюба следует обратить внимание на заключение И. Ауэрбах, которая, обратившись к архивным источникам, сделала вывод, что Андрей Курбский не умел ни читать, ни писать на латинском языке и лишь надиктовывал свои произведения писцам [49, с. 375]. Подобная мысль вызвала сомнения относительно подлинности литературного наследия Курбского, на что ответил В. В. Калугин словами, что «образ не умеющего писать аристократа плохо согласуется с нашими знаниями о жизни Курбского» [17, с. 18]. Против теории о неграмотности высказывается и сам Андрей Курбский посредством своей личной корреспонденции. В первом послании к Вассиану Муромцеву он пишет, что «книга, глаголемая Райская, от вашае святыни к рукам моим пришла, и нѣкая уже от словес в ней смотрел есми» [27, с. 494], в предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина Курбский говорит, что «и едино случися прочитати книгу многострадательного Максима» [33, с. 570]. Ряд документов, в т. ч. грамоты с собственной подписью Курбского, изданные под редакцией Н. Д. Иванишева [16] тоже подтверждает заявление В. В. Калугина о грамотности Курбского.

Ещё на царской службе, Курбский собрал значительную личную библиотеку, «известнейший пример боярских библиотек того времени» [42, с. 72], и с начала 1560-х гг. стал «жадно читать духовную литературу, включаться в полемику по религиозным вопросам» [37, с. 263]. Когда в 1564 г. Курбский в спешке покидал Юрьев, ему пришлось оставить там почти всё имущество и супругу с малолетним сыном. К слову, за рубежом Курбский всё-таки сожалел об утраченной библиотеке [17, с. 278; 44, с. 39]. Чтобы заполучить её обратно, воевода обратился к «вице-регенту Ливонии и своему свойственнику — князю Александру Полубенскому» [17, с. 402], который предпринял попытку выволить из Юрьева доспехи и книги, предложив «в обмен русских пленников» [38, с. 300]. Когда его просьбу отвергли, Полубенский написал грамоту Якову Шабликину, в которой требовал «допытаться книгъ князь Андреевыхъ Курбского, которые остались въ Юрьеве» [7, с. 495–496]. Если Шабликин не справится, «чѣловека твоего обѣсим» [7, с. 495–496], — писал дальше Полубенский.

Усердные попытки вернуть книги не закончились успехом, но показывают, что у Курбского было действительное желание обучаться и развиваться, и библиотека для него не была лишь предметом демонстрации своего статуса. Содержание источников позволяет сделать вывод, что увлечение чтением и стремление к развитию не было Курбскому чуждо никогда. Участие во многих ратях не позволило Курбскому полноценно раскрыться в этой роли, он «аз же бояхся, ижь от младости не до конца навыкох книжнаго словеньскаго языка» [34, с. 566], но читать и писать умел. Что изменилось после побега в Литву в отношении Курбского к книгам?

Первые годы в Литве князь посвятил участию в военных конфликтах, о чём пишет в предисловии к переводу «Нового Маргарита»: «Также и ту приехавъ, принужден бых кролем ко службам его вьенным» [34, с. 566]. Когда его служба закончилась, и руководство отрядами перешло в другие руки, Курбскому из-за сложных отношений с окружавшей его шляхтой не удавалось полностью погрузиться в интеллектуальное развитие. «И егда упразднихся от нихъ, ненавысные и лукавые сусѣди прекаждаху ми дѣло сие, лакомством и завистию движими, хотяще ми выдрати данное ми имѣне з ласки королевские на препитание. Не только то отъяти и пожрети хотяще, многие ради зависти, но и крови моей насытитися желающе» [34, с. 566].

В этой нелёгкой ситуации Курбский «утешаючи ми ся въ книжных дѣлех, и разумы высочайших древних мужей прохождах. Прочитах, разсмотрях физические, и обучахся, и навыках еттических» [34, с. 566]. В предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина Курбский в очередной раз подчёркивает незаменимую роль духовных книг: «Не точию убо прочитание божественныхъ словесъ во благоденствие живущимъ полезны (которые преизобилуютъ и оплываютъ богатествы), — тѣмъ научаются страху Божию, тѣмъ ко милосердию и милости склонни бывають, тѣмъ воспоминается смертный часъ и отшествие ко иному животу, — но и во скорбехъ живущимъ, и бѣдами объятимъ паче полѣзнейши, ибо мати имъ утѣшению и радости Писания прочитание бываетъ, услаждает бо и окормляетъ душу, и кости душевные крѣпки и несокрушительны сотворяетъ» [33, с. 570]. Приобретение утешения и душевного спокойствия не было единственной ценностью, вытекавшей из чтения. Курбский ясно осознал одно: для того, чтобы проще сжиться с новым окружением, необходим «более высокий уровень образованности» [23, с. 392], в т. ч. и знание латинского языка.

Стремление стать полноценным членом общества не было единственной причиной, по которой Курбский стал изучать латинский. Читая книги, он обнаружил, что только небольшая часть учения важнейших отцов церкви была переведена на русский язык, что усложняло положение православной части населения Литвы. «Ижь наших учителей чуждые наслажаются, а мы гладом духовным таем, на свои зряще» [34, с. 564], — заметил Курбский. Ответ на вопрос о важности переводов кроется, в т. ч., в понимании неблагоприятной обстановки, сложившейся в Великом княжестве Литовском для православного населения. Страна, в которую Курбский сбежал, испытывала в то время глубокий политический и социальный кризис. В 1564 г., году бегства Курбского, в Польше впервые появились иезуиты [19], которые с 1569 г. начали укреплять свои позиции в Вильно. Курбский заметил опасность иезуитов, о чём свидетельствует его послание княгине Анне Чарторьской: «Они ненавистники и противники зѣло великии нашему правовѣрию» [29, с. 538]. В письме волынскому шляхтичу Кодиану Чапличу Курбский описывает и второго оппонента православных в Литве — протестантов: «А что ваша милость пишешъ, ижебы я тебе написал и указал о Люторе, почему есмь нарицал его тевтопрофидом, и о томъ есми с вашею милостию устне молвил широцѣ, и указывал тебѣ, иже онъ не только презрѣл всех, от вѣка угодивших святых, але из Вѣтхихъ книгъ многих и апостольских посланных некоторых приемлет» [20, с. 534]. Именно в увеличивавшейся активности протестантов и иезуитов стоит, по мнению В. В. Калугина, искать начало переводческой и научной деятельности Курбского [19]. К. Ю. Ерусалимский дополняет эту мысль, утверждая, что князь в борьбе за веру «пользовался методом поддержки религиозных братств мещан и сочинением сводов житий святых» [10, с. 120].

«И приехавъ мнѣ уже ту ото отечества моего, со жаланием потщахся латиньску языку приучатися, того ради, ижьбы могль преложити на свой языкъ, что еще не преложено» [34, с. 564], — объясняет снова причины своих действий Курбский в предисловии к уже готовому переводу. Обучение было для него особо сложным по той причине, что в России он не учил этот язык, ему пришлось начать с чистого листа [22, с. 80]. Курбский не скрывает, насколько проблематично было изучить латынь: «И того ради немало лѣт изнурихъ в грамотических и в диалектических, и во прочих науках приучаяся. Егда уже по силе моей навыкох ихъ, тогда купихъ книги» [34, с. 565]. В послании Марку Сарыхозину Курбский сообщает: «Но и самъ немало лѣт изнурих по силѣ моей, уже в седилах, со

многими трудами, приучаясь языку римскому» [31, с. 520]. После изучения и усвоения латинской грамматики, князь не прекратил своих стараний, стал осваивать и дальнейшее её продолжение — риторику и диалектику [23, с. 92].

Достижение поставленной цели, к которой и вело трудное усваивание латинского — создание переводов отцов церкви, оказалось тоже проблемной задачей. Курбский, который «во старости уже философских искусств приучаясь» [33, с. 572], понимал, что переводить сложные тексты с латинского — выше его знаний. Чтобы исполнить свои желания, он стал искать подходящих переводчиков. Найти «мужей, словенским языком книжным добре умъюющих» [34, с. 566] не удавалось. «Аще и елицьх обретох мнихов и мирскихъ — не возхотѣша помощи ми. Мниси отресошася, уничающеся непохвальне — не глаголю — лицемерне, або лѣностьне, от того достохвальнаго дѣла. Мирские не восхотѣша, объаты будучи суетными мира сего, и подавляюще сѣмя благовѣрия тернием и осотом» [34, с. 566], — описывает печальную ситуацию Курбский. Картина кажется на первый взгляд негативной, попытки князя выучить латынь пока не приносили желаемого результата, не нашлись переводчики, чтобы заняться работой. Неужели зря потерял Курбский столько времени, изучая латинский язык? Прекратил ли свои попытки переводить после первой неудачи? Если продолжить дальше изучать его переписку, картина начинает проясняться. После неудачного поиска князь «умолих юношу ко преводу (у негоже внѣшним наукам учихся) именем Амѣброжия» [34, с. 564], чтобы вместе заняться переводом Иоанна Златоуста. Перевод сочинений вышел под названием «Новый Маргарит». В предисловии Курбский предупреждает, что переводил он, неопытный старик, и просит всех, кто найдёт в тексте ошибку, чтобы «молюся с любовию и хриstopодобною кротостию — да исправятся» [34, с. 568]. Качество перевода князя явно не устраивало, но запланированные действия уже начали осуществляться.

В следующем переводе, «Диалектике» Иоанна Дамаскина, Курбский сотрудничал с новым помощником — князем Михаилом Андреевичем Оболенским, т. к. чувствовал «самъ бо сему недоволенъ быхъ» [33, с. 572]. Михаил Оболенский послушал Курбского, который советовал ему «о младомъ еще будущий вѣцѣ, навик тех внѣшнихъ наукъ во языке римсте» [31, с. 520]. Оболенский «изнурих три лѣта в Краковѣ в школѣ, и потом совершения ради до Влох ехаль, оставя домъ, жену и дѣти, и тамо аки два лѣта пребыл» [31, с. 520]. Понимая, что ему самому уже не получить все знания и не путешествовать по всему миру, Курбский предпринял усилие воспитать своего наследника при переводческой миссии в Литве.

Проблема нехватки переводчиков не исчезла с Михаилом Оболенским, который получал образование в Италии. Курбский обратился к Марку Сарыхозину, попросив его приехать и помочь с переводами, ссылаясь на невежественность и неопытность свою и князя Оболенского [31, с. 520]. Чтобы показать, насколько невыносима и грустна ситуация, Курбский присылает Сарыхозину предисловие к одному собственному переводу, «оказуючи недостаток и невежество наше, яко тамъ прочитающе, лепей разсмотришь» [31, с. 520].

Изучая далее текст послания Марку Сарыхозину, можно найти и положительные моменты: Курбский сообщает и хорошие новости, пишет, что посылает Сарыхозину «тѣхъ всѣхъ книгъ — которая что в себя имѣет — переписавшии рѣстрагланение» [31, с. 520], которое сам переписал. Согласно К. Ю. Ерусалимскому, Курбский послание написал «не ранее конца 1575 г.» [12, с. 48]. Такой даты придерживаются и О. С. Аракчеева [2, с. 114], В. В. Калугин [17, с. 72] и А. Н. Волга [3, с. 89]. К тому времени, когда письмо было отправлено, у Курбского уже имелись какие-то черновики и основы. В том же письме он сообщает, что дарит Сарыхозину «арацью едину Григория Богослова, а другое слово Великого Василия преводу нашего» [31, с. 520]. Темп работы, наверное, не оправдывал мечты Курбского, но если учесть качество самих переводчиков и условия их работы, можно наблюдать некоторый прогресс.

Первое послание князю Константину Острожскому, пусть по своей датировке скорее предшествует письму Марку Сарыхозину, содержит информацию о том, что Курбский для князя перевёл одно из произведений Иоанна Златоуста: «Преведох от римска, не отменяючи сенсу, а ни граматического чину а ни в намѣниших по силе моей, а предложихъ ю на вожделенный и любимы, праотць твоих прирожденны языкъ славенскими» [28, с. 542]. В отличие от письма Марку Сарыхозину князь воздерживается от критических и недовольных комментариев насчёт своих переводов и даже говорит, что присылает их для получения душевного удовольствия.

В январе 1580 г. Курбский пишет львовскому мещанину Семёну Седляру, которого заинтересовал один момент из сочинений Иоанна Златоуста: «Желание твое исполнихом бѣз закоснения, не фолгуючи, или не щадячи старость и недуга, мнѣ належашего, и прочих приключивших ми ся напастей, вскоре преложихомъ от римского языка во словенской не токмо о семь реченны виршь, или стих, но всю целую бѣседу оную и со нравоучением» [32, с. 552]. В течение трёх лет до самой своей смерти Курбский продолжает заниматься переводами. В послании Семёну Седляру не встречаются критические замечания о качестве переводов. Риторика, используемая Андреем Михайловичем при описании бедствий, которые победил, чтобы перевести текст, напоминает описания боевых сцен, с типичным для Курбского стремлением «к преувеличению» [6, с. 405]. С последнего письма исчезают и замечания о помощниках и Курбский называет себя единственным автором.

Сведения, оставленные князем Курбским, дают ответ на заданные вопросы. Курбский чётко понимал, что выучить латинский язык нужно обязательно, и не только для того чтобы «вжиться» в среду аристократии Речи Посполитой, но, главным образом, для духовного развития православных и стремления защиты веры. Причины и цель изучения латинского Курбский несколько раз прямо озвучивал в письмах разным лицам: владение латинским языком было необходимо для защиты православной веры. Процесс усваивания языка князь называл сложным и трудным, замечания о тяжёлом процессе он вписывает в свои переписки и предисловия к переводам. На основе его автобиографических замечаний можно реконструировать процесс, начавшийся уже в молодости Курбского. После ухода от военных дел Курбский начал изучать иностранный язык, чтобы подарить славянскому читателю возможность увидеть слова великих церковных деятелей на родном языке. Ощущая несовершенство своего образования, Курбский «искал помощи себѣ, сѣмо и овамо обращая, и никакоже обрѣтохом» [31, с. 520]. Поняв безысходность положения, Андрей Михайлович сам начал заниматься этим делом. Рядом с нехваткой знатоков языка и богословия Курбский сталкивался с кражами, т. к. некоторые книги у него исчезли. К. Ю. Ерусалимский соединяет потерю книг со сложным периодом расторжения брака Андрея Курбского с княжной Марией Гольшанской [10, с. 114]. Из сочинений Курбского прослеживается ещё один фактор, который повлиял на качество переводов — нехватка времени. Ю. Бестерс-Дильгер утверждает, что именно стремление «создать доступ к переводам церковных отцов для всего общества» в скорейшие сроки вместе с неимением опытных помощников-переводчиков в наибольшей степени сказывалось на уровне переведённых текстов [50, с. 38]. Из посланий Курбского видно, что князь переводил в напряжённой обстановке «без закоснения, не фолгуючи» [32, с. 552], понимая, что отведённого ему времени недостаточно на проведение переводов, что могло закончиться тем, что православное население так и осталось бы без духовной пищи.

Послания Курбского содержат сведения о самоанализе переводов, князь сам часто упоминал о своей неподготовленности. Придерживаясь хронологического порядка создания посланий и переводов, установленного, в т. ч., К. Ю. Ерусалимским и В. В. Калугиным [10; 12; 17], можно заметить рост удовлетворённости результатами собственного труда¹. Первый осуществлённый перевод, «Новый Маргарит» (1568–1572/75), сопровождается длинным предисловием Курбского, в котором несколько раз звучит неуверенность и извинение за низкое качество. Второй перевод Иоанна Дамаскина (1575–1578) очень похож на «Новый Маргарит» в плане отчаянной просьбы простить ошибки в тексте. Исследуя последний перевод к житию Симеона Метафраста, наблюдается изменение фраз: имена переводчиков, которые помогали Курбскому, не озвучиваются. Курбский как автор предисловия обращается к читателю как обобщённое «мы». Не выявлено ни одного момента критического оценивания текста. Житие святого Курбский уверенно предъявляет публике и побуждает её читать, чтобы спастись от еретиков, любящих «корыстоватися лицемѣрне и кормыхати благочестием» [35, с. 586]. Завершение перевода Симеона Метафраста К. Ю. Ерусалимский и В. В. Калугин связывают с рубежом 1578–1579 гг. [10, с. 34; 17, с. 41–57; 18, с. 15]. Риторика и уверенность, показанная в этом переводе, целиком раскрывается в последующем послании Семёну Седляру. Курбский к 1580 г., согласно его произведениям, переводит сам и способен в краткий срок перевести длинные отрывки книг.

В конце XVI в., когда Курбский создавал свои переводы, ещё преобладали средневековые традиции. Риторика древнерусских летописцев, начиная с Нестора, представляет книжников «инстру-

¹ Здесь и далее автор использует датировку произведений Курбского, показанную К. Ю. Ерусалимским. Подробнее см.: *Ерусалимский К. Ю.* Православная академия на Волыни XVI в.: нереализованный проект князя Андрея Курбского // *Острозька давнина: науковий збірник*, 2014. № 3. С. 113.

ментами в руках Божьих» [24, с. 150]. В начале Жития Феодосия Печерского «грешный Нестор» пишет, что лишь слово Божье его сподвигло создать труд, который «еже выше моя сила» [14, с. 352], потому что такого задания он «не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ же яко и не бѣхъ учень никоеждо хытрости» [14, с. 352]. Церковное восприятие книжного дела постепенно исчезает в XVII в., когда в процессе обмирщения литература приобретает более светский характер. Курбский, которому были известны тексты его предшественников-переводчиков и церковных представителей, мог перенести данную тенденцию в свои сочинения. Умаление способностей писать и переводить тексты, представляя из себя лишь исполнителя Божьей воли, по своей сути необразованного и недостойного (так как только Бог — истинный творец Слова), частично отражается у Курбского. Устойчивые обороты, уничижающие собственные способности, более заметны в предисловиях к религиозным переводам, которые по своему характеру консервативнее и соблюдают древние образцы. Послания знакомым и друзьям подвержены шаблонности в меньшей степени и их «автобиографический характер» [5, с. 233] позволяет разглядеть подлинного прагматичного Курбского, который понимает, что время уходит, новые переводчики не появляются, а количество непереверённых текстов по-прежнему остаётся огромным, вследствие чего он приходит к выводу, что лучше худой перевод, чем его отсутствие.

Все планировавшиеся переводы Андрей Михайлович при своей жизни не осуществил, таким образом не завершил до конца свою задачу — обогатить мир православного читателя. Большинство его произведений было опубликовано только после его смерти. Курбский, таким образом, не знал, насколько востребованными станут его переводы, но уже при его жизни попытки защиты православия получили «широкую огласку» [10, с. 114] среди его окружения. Несмотря на недочёты и не всегда позитивную оценку выполненной работы Курбский, благодаря изучению латинского, внёс свой вклад в развитие православного общества. Цель, заставившую его учить иностранный латинский язык, можно назвать достигнутой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антюхов А. В., Волга А. Н.* Автобиографический потенциал эпистолярных формул в посланиях Андрея Курбского Вассиану Муромцеву // Учёные записки ОГУ. 2015. № 3. С. 83–86.
2. *Аракчеева О. С.* Особенности структуры послания Андрея Курбского Марку Сарыхозину // Вестн. БГУ. 2012. № 2. С. 114–116.
3. *Волга А. Н.* «Рамочная» автобиографическая ситуация в послании Андрея Курбского Марку Сарыхозину // Национальная ассоциация учёных (НАУ). Ежемесячный научный журнал. 2015. № 7. С. 88–90.
4. *Волга А. Н.* Специфика автобиографического рассказа в Третьем послании Андрея Курбского Вассиану Муромцеву // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 101–102.
5. *Волга А. Н.* Способы введения автобиографизма в посланиях Андрея Курбского разным лицам // Вестн. БГУ. 2014. № 2. С. 233–236.
6. *Горский А. Д.* Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.
7. Грамота Полубенского // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1914. С. 495–496.
8. *Ерусалимский К. Ю.* Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. 2005. № 5. С. 225–248.
9. *Ерусалимский К. Ю.* «Новый Маргарит»: рукописная традиция и рецепция // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2. С. 74–94.
10. *Ерусалимский К. Ю.* Православная академия на Волыни XVI в.: нереализованный проект князя Андрея Курбского // Острозька давнина: науковий збірник, 2014. № 3. С. 113–147.
11. *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского и его читатели // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 10. С. 82–100.
12. *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Том I: Исследование книжной культуры. СПб.: Знак, 2009. 884 с.
13. *Ерусалимский К. Ю.* Социальный статус А. М. Курбского в России и Речи Посполитой // *Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Голенчанкі.* Вільня – Мінск: AIDAI–ATHENAEUM, 2009. С. 105–121.
14. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР). Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 352–433.
15. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.
16. *Иванишев Н. Д.* Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. 1. Киев: Тип. Вальнера, 1849. 243 с.

17. *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки русской культуры, 1998. 417 с.
18. *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М.: Языки русской культуры, 2003. 242 с.
19. *Калугин В. В.* Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века. Исследование. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/1120v%20k.htm
20. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VIII. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 487 с.
21. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. 770 с.
22. *Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учёности. М.: Прогресс–Традиция, 2011. 472 с.
23. *Костинова М. Н.* Народное образование в трудах историков Русской церкви. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 193 с.
24. *Лебедев Ю. В.* Русская литература о святости труда писателя // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2014. № 6. С. 149–152.
25. *Лихачев Д. С., Вагнер Г. К., Вздорнов Г. И., Скрынников Р. Г.* Русь: история и художественная культура X–XVII веков. М.: Искусство – XXI век, 2003. 488 с.
26. *Лурье Я. С., Рыков Ю. Д.* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. 429 с.
27. Первое послание Вассиану Муромцеву // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 494–497.
28. Первое послание князю Константину Острожскому // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 540–543.
29. Послание княгине Чарторыйской // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 538–539.
30. Послание Кодиану Чапличу // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 530–537.
31. Послание Марку Сарыхозину // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 518–521.
32. Послание Семену Седляру // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 550–553.
33. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 570–581.
34. Предисловие к Новому Маргариту // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 554–569.
35. Предисловие к переводам Симеона Метафраста // БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 582–587.
36. *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 109 с.
37. *Скобелкин О. В. А. И. Филюшкин.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному // Вестн. СПбГУ. Сер. 2: История. 2007. №3. С. 262–266.
38. *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского // Прометей. 1977. № 11. С. 294–300.
39. *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. 248 с.
40. *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 418 с.
41. *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 342 с.
42. *Слуховский М. А.* Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. М.: Наука, 1968. 261 с.
43. Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 168–180.
44. *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 624 с.
45. *Филюшкин А. И.* Бегство Курбского: оценки источников и стереотипы историографии // Вестн. СПбГУ. Сер. 2: История. 2007. № 3. С. 8–17.
46. *Филюшкин А. И.* Князь А. М. Курбский и Ливонская война // Вестн. СПбГУ. Сер. 2: История. 2006. №. 3. С. 21–31.
47. *Фроянов И. Я.* Драма русской истории: на путях к Опричнине. М.: Парад, 2007. 952 с.
48. *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999. 557 с.
49. *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. Munich: Verlag Otto Sagner, 1985. 394 s.
50. *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau: Verlag U. W. Weiber, 1992. 196 s.
51. *Fennell J. L. I.* Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 313 p.

Поступила в редакцию 29.02.2020

Выслоужилова Дагмар Любомировна, магистр истории, магистр русско-чешского перевода, аспирант Института истории
Университет имени Масарика
60200, Чехия, г. Брно, ул. Арна Новака, 1/1
E-mail: deischa@mail.muni.cz

*D. Vysloužilová***“OLD AND GREY, HARD AS A MULE I DID WORK FOR MANY YEARS”:
HOW PRINCE ANDREY KURBSKY LEARNT LATIN**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-842-851

In this article, the author discusses the topic of how Prince Andrey Kurbsky learnt the Latin language, based on his comments and memoirs. The subject of Andrey Kurbsky's translation activities is a frequently discussed issue not only among Russian historians but also among their foreign colleagues. Before Andrey Kurbsky could start translating books, he needed to learn Latin. In our opinion, this process is worthy of independent research, because before that historians and linguists paid attention to the result of this activity, i.e., to the translations themselves than to the moments of learning the Latin language. The study is based on Kurbsky's remarks left in his forewords and personal correspondence, which allows us to look at the situation through the eyes of the prince. The author aims to research the period associated with learning Latin, as well as to find out whether there have been certain trends in this process.

Keywords: Andrey Kurbsky, works of Andrey Kurbsky, translators of the 16th century, Grand Duchy of Lithuania, Polish–Lithuanian Commonwealth.

REFERENCES

1. *Antyuhov A. V., Volga A. N.* Avtobiograficheskiy potencial epistolnykh formul v poslaniyakh Andrey Kurbskogo Vassianu Muromcevu [Autobiographical potential of the epistolary formulae in the letters of Andrey Kurbsky to Vassian Muromtsev]. *Uchenye zapiski OGU [Scientific bulletin of the Orel State University]*, 2015, no. 3, pp. 83–86. (In Russian).
2. *Arakcheeva O. S.* Osobennosti struktury poslaniya Andrey Kurbskogo Marku Saryhozinu [Specific features of the structure of the epistle of Andrey Kurbsky to Mark Sarykhozin]. *Vestnik BGU [Bryansk State University Bulletin]*, 2012, no. 2, pp. 114–116. (In Russian).
3. *Volga A. N.* “Ramochnaya” avtobiograficheskaya situatsiya v poslanii Andrey Kurbskogo Marku Saryhozinu [„Framework“ autobiographical situation in the Andrey Kurbsky's epistle to Mark Sarykhozin]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU). Ezhemesyachnyy nauchnyy zhurnal. [National Association of Scientists (NAU). Monthly scientific journal.]*, 2015, no 7, pp. 88–90. (In Russian).
4. *Volga A. N.* Specifika avtobiograficheskogo rasskaza v Tret'em poslanii Andrey Kurbskogo Vassianu Muromcevu [Specific features of autobiographism in the third letter of Andrey Kurbsky to Vassian Muromtsev]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific bulletin of the Orel State University. Series: Humanities and social studies]*, 2016, no. 2, pp. 101–102. (In Russian).
5. *Volga A. N.* Sposoby vvedeniya avtobiografizma v poslaniyakh Andrey Kurbskogo raznym licam [Ways of autobiographism in Andrey Kurbsky's epistles to different people]. *Vestnik BGU [Bryansk State University Bulletin]*, 2014, no. 2, pp. 233–236. (In Russian).
6. *Gorskij A. D.* Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. T. 2. [Legislation of the period of formation and strengthening of the centralized Russian state. Vol. 2]. Moscow, “Jurisdictional Literature“ Publ., 1985, 520 p. (In Russian).
7. Gramota Polubenskogo [Epistle to Polubensky]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 31. [Russian Historical Library, Vol. 31]*. St. Petersburg, “Archeographic Commission” Publ., 1914, pp. 495–496. (In Russian).
8. *Erusalimskij K. Yu.* Istoricheskaya pamyat' i social'noe samosoznanie knyazya Andrey Kurbskogo [Historical memory and social identity of Prince Andrey Kurbsky]. *Socium. Al'manah social'noi istorii [Society. Almanac of social history]*, 2005, no 5, pp. 225–248. (In Russian).
9. *Erusalimskij K. Yu.* „Novyj Margarit“: rukopisnaya traditsiya i recepciya [New Margarite: tradition of the manuscript and reception]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia: Medieval Studies Journal]*, 2018, no 2, pp. 74–94. (In Russian).
10. *Erusalimskij K. Yu.* Pravoslavnaya akademiya na Volyni XVI v.: nerealizovannyj proekt knyazya Andrey Kurbskogo [Orthodox Academy in the 16th century Volynia: an unrealized project of Prince Andrey Kurbsky]. *Ostroz'ka davnina: naukovij zbirnik [Ostroh antiquity: a scientific collection]*, 2014, no. 3, pp. 113–147. (In Russian).
11. *Erusalimskij K. Yu.* Sbornik Kurbskogo i ego chitateli [The Collection of Kurbsky's works and its readers]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya [Russian State University for the Humanities Bulletin. Series: Literature, Linguistics, Culture studies]*, 2008, no. 10, pp. 82–100. (In Russian).
12. *Erusalimskij K. Yu.* Sbornik Kurbskogo. Tom I: Issledovanie knizhnoj kul'tury [The Collection of Kurbsky's works. Volume I: The Study of Book Culture]. St. Petersburg, „Znak“ Publ., 2009, 884 p. (In Russian).
13. *Erusalimskij K. Yu.* Social'nyj status A. M. Kurbskogo v Rossii i Rechi Pospolitoj [Social status of A. M. Kurbsky in Russia and in the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Silva rerum nova: Shtudiyi ŷ gonar 70-goddzya Georgiya*

- Ya. Golenchanki [Studies in honor of the 70th anniversary of Georgy Golenchenko]. Vilnius – Minsk, “AIDAI-ATHENAEUM” Publ., 2009, pp. 105–121. (In Russian).
14. Zhitie Feodosiya Pecherskogo [Life of Feodosiy of Pechersk]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi (BLDR). T. 1. [Library of the Old Russian literature, Vol. 1]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1997, pp. 352–433. (In Russian).
 15. *Zimin A. A.* Oprichnina Ivana Groznogo [Ivan the Terrible’s Oprichnina]. Moscow, „Mysl“ Publ., 1964, 535 p. (In Russian).
 16. *Ivanishev N. D.* Zhizn’ knyazya A. M. Kurbskogo v Litve i na Volyni. Tom 1. [The life of Prince A. M. Kurbsky in Lithuania and Volhynia. Volume 1.]. Kiev, “Val’ner’s Typography” Publ., 1849, 243 p. (In Russian).
 17. *Kalugin, V. V.* Andrej Kurbskij i Ivan Groznyj. Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical views and literary techniques of the Old Russian writer]. Moscow, “Languages of Russian Culture” Publ., 1998, 417 p. (In Russian).
 18. *Kalugin V. V.* “Zhitie svyatitelya Nikolaya Mirlikijskogo” v agiograficheskom svode Andrey Kurbskogo [Life of St. Nicholas of Myra in the hagiographic manuscript of Andrey Kurbsky]. Moscow, „Languages of Russian Culture” Publ., 2003, 242 p. (In Russian).
 19. *Kalugin V. V.* Moskovskie knizhniki v Velikom knyazhestve Litovskom vo vtoroj polovine XVI veka. Issledovanie. [Moscow scribes in the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 16th century. Study.]. Retrieved from: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/1120v%20k.htm (In Russian).
 20. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Tom VIII. [History of the Russian State. Vol. 8.]. St. Petersburg, „N. Grech Typography“ Publ., 1819, 487 p. (In Russian).
 21. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Tom IX. [History of the Russian State. Vol. 9.]. St. Petersburg, „N. Grech Typography“ Publ., 1821, 770 p. (In Russian).
 22. *Kiseleva M. S.* Intellektual’nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj uchyonosti [The intellectual choice of Russia in the second half of the 17th — early 18th centuries: from Old Russian book writing to European scholarship]. Moscow, “Progress–Tradition” Publ., 2001, 472 p. (In Russian).
 23. *Kostikova M. N.* Narodnoe obrazovanie v trudah istorikov Russkoj cerkvi [Public education in the writings of historians of the Russian Church]. Vladivostok, Far Eastern University Press, 2000, 193 p. (In Russian).
 24. *Lebedev Yu. V.* Russkaya literatura o svyatosti truda pisatelya [Russian literature of writer’s sacredness]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University], 2014, no. 6, pp. 149–152. (In Russian).
 25. *Lihachev D. S., Vagner G. K., Vzdornov G. I., Skrynnikov R. G.* Rus’: istoriya i hudozhestvennaya kul’tura X–XVII vekov [Russia: history and art culture of the 10–17th centuries]. Moscow, “Art–XXI Century” Publ., 2003, 488 p. (In Russian).
 26. *Lur’e Ya. S., Rykov Yu. D.* Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky]. Leningrad, „Nauka“ Publ., 1979, 429 p. (In Russian).
 27. Pervoe poslanie Vassianu Muromcevu [Letter to Vassian Muromcev]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi (BLDR). T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 494–497. (In Russian).
 28. Pervoe poslanie knyazyu Konstantinu Ostrozhskomu [First letter to Prince Konstantin Ostrozhsky]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 540–543. (In Russian).
 29. Poslanie knyagine Chartoryjskoj [Letter to Princess Chartoryjskaja]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 538–539. (In Russian).
 30. Poslanie Kodianu Chaplichu [Letter to Kodian Chaplich]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 530–537. (In Russian).
 31. Poslanie Marku Saryhozinu [Letter to Mark Saryhozin]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 518–521. (In Russian).
 32. Poslanie Semenu Sedlyaru [Letter to Semen Sedlyar]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 550–553. (In Russian).
 33. Predislovie k “Dialektike” Ioanna Damaskina [Preface to the Dialectics of St. John of Damascus]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 570–581. (In Russian).
 34. Predislovie k Novomu Margaritu [Preface to the New Margarite]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 554–569. (In Russian).
 35. Predislovie k perevodam Simeona Metafrasta [Preface to the translations of Simeon Metaphrastus]. BLDR. T. 11. [Library of the Old Russian literature, Vol. 11]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 2001, pp. 582–587. (In Russian).
 36. *Rykov Yu. D.* „Istoriya o velikom knyaze Moskovskom“ A. M. Kurbskogo kak istochnik po istorii oprichniny. Kandidatskaya dissertaciya. [A. M. Kurbsky’s The History of the Grand Prince of Moscow as a source about the history of the oprichnina. Candidate’s dissertation thesis]. Moscow, [n. a.], 1972, 109 p. (In Russian).
 37. *Skobelkin O. V. A. I.* Filyushkin. Andrej Mihajlovich Kurbskij: prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskij kommentarij k poslanijam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu [A. I. Filyushkin. Andrey Mikhailovich Kurbsky: a prosopographic study and hermeneutical commentary on the messages of Andrey Kurbsky to Ivan the Terrible].

- Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istorija. [St. Petersburg State University Bulletin. Series 2. History], 2007, no. 3, 262–266. (In Russian).
38. *Skrynnikov R. G.* Begstvo Kurbskogo [Kurbsky's escape]. *Prometej [Prometheus]*, 1977, no. 11, pp. 294–300. (In Russian).
39. *Skrynnikov R. G.* Ivan Groznyj [Ivan the Terrible]. Moscow, „Nauka“ Publ., 1980, 248 p. (In Russian).
40. *Skrynnikov R. G.* Nachalo oprichniny [The beginning of the Oprichnina]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1966, 418 p. (In Russian).
41. *Skrynnikov R. G.* Oprichnyj terror [The terror of the Oprichnina]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1969, 342 p. (In Russian).
42. *Sluhovskij M. A.* Bibliotechnoe delo v Rossii do XVIII veka: Iz istorii knizhnogo prosveshcheniya [Librarianship in Russia until the 18th Century: From the History of Book Enlightenment]. Moscow, „Nauka“ Publ., 1968, 261 p. (In Russian).
43. *Tret'e poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu* [Kurbsky's third letter to Ivan the Terrible]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky]. Leningrad, „Nauka“ Publ., 1979, pp. 168–180. (In Russian).
44. *Filyushkin A. I.* Andrej Mihajlovich Kurbskij: Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskij kommentarij k poslanijam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu [Andrey Mikhailovich Kurbsky: a prosopographic study and hermeneutical commentary on the messages of Andrey Kurbsky to Ivan the Terrible]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2007, 624 p. (In Russian).
45. *Filyushkin A. I.* Begstvo Kurbskogo: ocenki istochnikov i stereotipy istoriografii [Kurbsky's escape: estimates of sources and stereotypes of historiography]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istorija*. [St. Petersburg State University Bulletin. Series 2. History], 2007, no. 3, pp. 8–17. (In Russian).
46. *Filyushkin A. I.* Knyaz' A. M. Kurbskij i Livonskaya vojna [Prince A. M. Kurbsky and the Livonian war]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istorija*. [St. Petersburg State University Bulletin. Series 2. History], 2006, no. 3, pp. 21–31. (In Russian).
47. *Froyanov I. Ya.* Drama russkoj istorii: na putyah k Oprichnine [Drama of the Russian history: on the way to the Oprichnina]. Moscow, „Parade“ Publ., 2007, 952 p. (In Russian).
48. *Shmidt S. O.* Rossiya Ivana Groznogo [Ivan the Terrible's Russia]. Moscow, „Nauka“ Publ., 1999, 557 p. (In Russian).
49. *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts [Andrey Michajlovič Kurbskij. Life in 16th century Eastern European noble societies]. Munich, Otto Sagner Press, 1985, 394 p. (In German).
50. *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert [Andrey M. Kurbsky as a translator. Church Slavic Translation Technology in the 16th Century]. Freiburg im Breisgau, U. W. Weiber Press, 1992, 196 p. (In German).
51. *Fennell J. L. I.* Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, Cambridge University Press, 1965, 313 p. (In English).

Received 29.02.2020

Vysloužilová D., Master of History, Master of Russian-Language Translation,
Doctoral student of the Department of History
Masaryk University
Arna Nováka st. 1/1, Brno, Czech Republic, 60200
E-mail: deischa@mail.muni.cz